

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ БАЗОВЫХ ПОНЯТИЙ

Игорь Юрьевич Окунев

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 17 августа 2017 <i>Принята к печати:</i> 16 декабря 2017</p>	<p>Аннотация: Вопреки расхожему представлению, пространственный аспект политических процессов определяется не только объективными факторами. Пространство влияет на политику не только напрямую, но и опосредованно, через субъективные и порой искаженные представления о пространстве, формируемые человеком. Для изучения этого субъективного мира в географии выработан собственная терминология, часть понятий в которой находятся в диалектической связи с концептами «объективной» географии (территориальность vs. пространственность, абсолютное vs. относительное пространство), а часть уникальны для дискурса данной науки (гетеротопия, пространственная инверсия, пространственный опыт, место памяти, пространственный миф, сопостранственность). Ключевым именно для политической географии выступают понятия территориальной и пространственной идентичности, поскольку они связывают представления о пространстве с политическим поведением индивида. В последнее время активно развивается и прикладная сфера политгеографической науки, основанная на применении знаний об идентичности – брендинг территории, основанный на политике места.</p> <p><i>Исследование выполнено в рамках реализации гранта РНФ №17-78-10053 «Трансформация территориальной идентичности в присоединенных автономных округах России (сравнительный анализ на основе полевых исследований)»</i></p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент, Кафедра сравнительной политологии, МГИМО МИД России e-mail: iokunev@mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: территориальная идентичность; пространственная идентичность; относительное пространство; социальное пространство; критическая геополитика</p>	

Абсолютное и относительное пространство

Пространства вокруг нас принято считать объективным, реальным, созданным физическими законами природы. Однако на самом деле пространство, в котором существует человек, является субъективным и искусственным, созданным его сознанием и воображением. Данные два пространства называются, соответственно, абсолютным и относительным (или социальным в терминологии П. Бурдьё).

Люди в процессе познания абсолютно-го пространства, наделяют его смыслами и функциями, в результате чего формируется уже пространство относительное. Горы, леса, болота, пустыни для одних людей ста-

новились естественной защитой и наилучшей средой традиционного уклада жизни и хозяйства, а для других – непроходимыми рубежами, непригодными для жизни. Абсолютное пространство неизменно, но внутри одного и того же пространства возможно множество его относительных интерпретаций, разнящиеся от времени к времени или от народа к народу. В конце концов, относительное пространство индивидуально, каждый человек способен создать собственную интерпретацию окружающих его явлений. Так, у пирамиды одного из фараонов было написано, что здесь погребен правитель, захвативший страну на берегах реки, которая течет на север, но попадает на юг. При этом известно, что усопший покорил

Вавилон на берегах Евфрата, текущего на юг и, естественно, туда же и попадающего. Невозможное в абсолютном пространстве явление объяснялось тем, что древние египтяне считали, что все реки, как и их родной Нил, должны течь на север. Встретившись с парадоксом, они описали новое пространство в привычных им интерпретациях. Увы, нельзя утверждать, что современный человек, знающий намного больше о законах пространства абсолютного, значительного более объективен в восприятии пространства относительного.

Рассмотрение пространства как социально конструируемого феномена (относительное пространство) не равносильно отрицанию физического (абсолютного) пространства. В то же время это не означает, что пространство представляет собой неподвижную структуру, которую нельзя измерить геохронополитически. Социально конструируемые пространства имеют черты сосуда, заключающего в себе социальные действия, которые могут оказывать влияние как на социальные отношения, так и на характеристики самого пространства. Такой подход ставит вопрос о том, как люди действуют или взаимодействуют в этом пространстве и как они передвигаются внутри или между такими пространствами.

Исследуя пространство как социальный конструкт, мы превращаем его в относительную категорию. В терминах позитивистской методологии пространство является зависимой переменной, объектом исследования. Исследователь может ставить перед собой вопросы: как люди представляют пространство, думают о нем; как они конструируют, создают и изменяют пространство; как приспособляют пространство к своим потребностям и ориентируются в нем? Изучая пространство, мы предлагаем придерживаться следующей структуры анализа, включающего изучение: 1) воображения о пространстве; 2) создания пространства; 3) освоения пространства; 4) взаимодействия в пространстве; 5) отношений и передвижения между пространствами.

Относительное пространство формируется человеком на основе:

1. пространственного опыта,
2. мест памяти,

3. пространственных мифов,
4. территориальной идентичности,
5. пространственной идентичности.

Закономерности относительного пространства является ключевым предметом изучения критической геополитики (Ж. Тоал, Дж. Эгню). Изучая процессы формирования и воспроизводства относительного пространства в разных сообществах, ученым данного направления удастся анализировать динамику международных отношений.

Гетеротопии и пространственная инверсия

М. Фуко предложил термин гетеротопия для различных вариантов относительного пространства, возникающих в рамках одного абсолютного пространства. Например, крупные реки для одних людей (до появления у них средств навигации) воспринимаются, как барьеры между народами, а для других – как артерии, связывающие части пространства. Другой пример – район города может существовать в нескольких гетеротопиях: для одних – это формальная административная единица с обособленной системой управления, для других – часть пространства, формируемая вокруг крупных логистических узлов (например, станций метро), а для третьих, скажем, мафиозных кланов или футбольных фанатов, зона контроля за определенными социальными практиками. Появление гетеротопий в пространстве объясняется, в первую очередь, социальными и культурными различиями носителей представлений о пространстве. Ф. Бродель красиво подчеркнул сосуществование гетеротопий на его родине во фразе «Франция – это и множественное число и единственное». Эту фразу можно применить к любой другой стране.

Ситуация, когда объекты расположены рядом в абсолютном пространстве, но сильно отстоят друг от друга в пространстве относительном, называется пространственной инверсией. Например, города Благовещенск и Хейхе с точки зрения абсолютного пространства находятся друг напротив друга через реку Амур, однако с точки зрения восприятия жителями пространства русский город будет цитаделью европейской идентичности,

отвергающий китайское влияние, а китайский – азиатской периферией, пытающейся интегрировать черты российской культуры.

Пространственный опыт и места памяти

Пространственный опыт отражает историю перемещения человека в пространстве, в результате чего у него формируется уникальное восприятие окружающей действительности. Если дед жил всю жизнь в деревне, изредка выезжая в районный центр, отец жил в городе и ездил только в отпуск в туристические страны, а сын работает в транснациональной компании и регулярно ездит в командировки в глобальные города, то три поколения одного семейства существуют в разных пространствах и вряд ли согласятся друг с другом в характеристике мира. Для первого мир будет бесконечно большим и загадочным, для второго относительно небольшим и в пределах его интересов познаваемым, а для третьего совсем маленьким и очень похожим. При этом все три будут ошибаться, потому что мир состоит из пластов, в которых присутствуют все эти три восприятия пространства одновременно.

Особое места в пространственном опыте занимает места памяти. Данное понятие вытекает из работ исследователей публичной истории (П. Нора, Я. Ассман) и отражает представления о том, что ключевые события прошлого отражаются в культурном ландшафте места. Наиболее яркими примерами являются места бывших сражений (Бородинское поле в России) или восстаний (Площадь Бастилии во Франции). Другим примером может служить список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. Общество нагружает такие места памятниками, символами и нарративами, направляющие восприятие пространства в нужном русле. Оказавшихся в таких точках человек начинает транслировать нужные обществу смыслы и фиксирует в своем пространственном опыте особые переживания, связанные с важными событиями прошлого. Само переживание оказывается более важным для человека, чем достоверность места, где произошло событие. Так, крещение Иисуса в водах Иордана произошло в месте, где сейчас проходит опасная израильско-иорданская граница, од-

нако паломники с той же святостью относятся к обустроенному для них «месту крещения» ближе к безопасному Тивериадскому озеру. Для понимания политического процесса оказывается важным также изучения фаз смены режима восприятия мест памяти (например, войны памятников в Ирландии в 1970-е гг. или на современной Украине).

Пространственные мифы и сопостранственность

Пространственные мифы являются стереотипизированными представлениями о пространстве. Поскольку человек мыслит образами и стереотипами, то именно мифы являются главной формой познания окружающей действительности. Слово «миф» в данном случае не означает непременно ложность данного представления: хотя все мифы являются субъективными, степень их соотнесенности с истинной может быть как крайне высокой, так и ничтожно малой.

К ключевым пространственным мифам, распространенным почти у всех народов, относятся:

- миф о центральности,
- миф о транзитности,
- миф о территориальной гомогенности,
- миф о территориальной исключительности,
- миф об исконной земле,
- миф об оккупированных территориях,
- миф о бывших территориях.

Представления человека о пространстве начинаются с мифа о центральности: его собственное место жительства, его страна представляется ему центром территориальной структуры планеты, вокруг которой организованы все остальные внешние пространства. Миф о центральности формирует два пространства – внутреннее («наше») в центре и внешнее («иное») на периферии. В истории многих империй древности (римской, китайской и др.) граница между внутренним и внешним пространством становилась линией разграничения цивилизации и дикости. В противовес мифу о центральности в каждом обществе есть миф о транзитности, описывающий положение страны на границе двух внешних ареалов. Так,

например, десятки народов от венгров до монголов подчеркивают свое положение на границе Запада и Востока.

Два взаимообратных мифа – о территориальной гомогенности и о территориальной исключительности – определяют взаимоотношения между внутренним и внешним пространствами. Миф о гомогенности подчеркивает общность внутреннего и внешнего миров, в то время как миф об исключительности обращает внимание на различия между ними. Так, в арабском ареале существует как дискурс общности арабских стран, так и нарративы об уникальности пути каждой из них. Такие же пары можно найти у славян, скандинавов, латиноамериканцев, полинезийцев и других общностей.

В структуре пространства, разделенного на внутренний и внешний ареалы, выделяются несколько ключевых зон, важность которых обосновывается в соответствующих мифах. Во-первых, это исконная территория, то есть область, в которой, как считает народ, началась его государственность. Она может совпадать с нынешним центром (Англия, Аргентина), может быть смещена (Венгрия, Армения, Япония), а может вообще располагаться во внешнем ареале, что порождает особые переживания (Киев для русских, Косово для сербов). Во-вторых, это оккупированные территории, то есть территории внутреннего ареала государства, не контролирующиеся им (Карабах для азербайджанцев). Обратный случай – бывшие территории – области внешнего ареала, которые когда-то входили в состав государства или ареал расселения народа. На основе последнего мифа у многих народов формируются проекты великого расширения (Великая Албания, Великая Финляндия и т.д.). В современном политическом процессе подобные мифы, как правило, актуализируются маргинальными группами, что не отменяет их важность для понимания народом самого себя и пределов своего пространства.

Совокупность пространственных мифов служит основой формирования комплексной идентичности народа как страны-победителя (русские, американцы) или страны-жертвы (евреи, эстонцы). Интерес-

но, что для патриотической мобилизации населения эти оба мифа работают в равной степени удачно.

Как видно, все мифы работают в апологете друг с другом, создавая полюса дискурса о положении общества в пространстве. При этом не стоит считать, что различные мифы распространены в сообществе равномерно: уровень их актуальности может отличаться от периода к периоду, региона к региону или социальной страты к страте. За счет данной диалектики обеспечивается гибкость и изменчивость пространственной идентичности.

Так же, как динамика времени ощущается по-разному, скажем, в Сингапуре и Йемене, да и одними и теми же людьми в одном городе, так и пространства будут формировать разные модели их восприятия на личном опыте. Подобное явление – сегментирование пространства на ментально-функциональные пласты – немецкий ученый М. Мюллер по аналогии с современностью назвал сопостранственностью. Даже живя в одном городе, люди существуют в разных, часто даже не пересекающихся пространствах. Так, человеку свойственно формировать уникальный пласт городского пространства, часто ограничивающегося местом жительства, местом работы и основными магазинами или другими точками регулярного посещения. Внутри данного субгородского пространства человек перемещается на автомате, как бы вырывая его из цельного городского ландшафта, и может удивиться, если вдруг окажется в привычном пространстве с необычной целью. Таким образом, пространственный опыт формирует серии пластов пространства, различающихся уровнем актуализированности в сознании и, соответственно, характером его восприятия. Выделяя городские пространства в сознании его жителей можно понять функциональную структуру места.

Территориальная и пространственная идентичность

Идентичность является выражением принадлежности человека к определенной общности. Выделяются два типа идентич-

ности, связанных с принадлежностью к географическим координатам: территориальная и пространственная.

Территориальная идентичность основывается на свойствах территории, в рамках которой она формируется. Например, горские элементы будут у жителей гор, а приморские – у жителей на берегу морей. Хотя любая идентичность конструируется на индивидуальном уровне, территориальная утверждается именно через социальную деятельность как коллективная. Такая идентичность вытекает из представлений об общности людей, проживающих на единой территории, которых объединяют свойства данной территории. Связи с единым местом проживания формируют общие интересы, что сплачивает группу. Основой территориальной идентичности служит т.н. культурный ландшафт, т.е. совокупность уникальных ментальных и культурных образов места. В рамках такой общности действуют механизмы монополизации пространства и исключения из него других. При первом обосновывается исключительное право общности на данную территорию в силу ее особой идентичности, а при второй любые внутренние элементы, не разделяющие идентичность, вытесняются на периферию социума. По уровню территориальная идентичность делится на локальную, региональную, национальную (государственную) и цивилизационную (континентальную).

Пространственная идентичность вытекает не из свойств места, а из его положения в пространстве, из системы его связей относительно других объектов. Таким образом, она выражает появление устойчивых связей различного характера поверх свойств конкретного места. Так, жители Санкт-Петербурга будут говорить, что живут в городе, являющимся окном в Европу. Сама Невская губа Балтийского моря не является окном в Европу, однако для пространственной структуры России она играла именно такую роль. Когда жители Самарканда говорят о том, что город представляет собой перекресток культур, они характеризуют не существующие в нем музеи и памятники, а его бывшее положение на торговых путях, предопределившее смешанное

цивилизационное положение. Тем самым, можно сказать, что территориальная идентичность связана с абсолютным пространством, а пространственная – с относительным.

М. Китинг выделял три степени актуализированности пространственной идентичности. На первом – когнитивном – через соположение места с соседними, происходит осознание его специфичности и географических пределов. На втором – эмоциональном – формируются устойчивые ментальные механизмы воспроизводства идентичности. Наконец, на третьем – инструментальном – идентичность начинает использоваться для политической мобилизации.

Иногда говорят также об особом уровне пространственной идентичности – геополитическом, т.е. об идентификации человеком себя и своего места жительства относительно глобальных геополитических раскладов и систем.

Так, в Молдавии сторонниками интеграции с Россией стали не только русские жители Приднестровья, но и культурно более далекие гагаузы и болгары. Через дискурс о геополитическом выборе ориентации на Европу или Россию в многокомпонентном молдавском обществе актуализировалась политическая дискуссия о формах национального строительства в молодом государстве. Европейский выбор был маркером мажоритарной модели национально-государственного строительства, предполагающей создание этнической нации на основе молдавского народа. В его самой форме он агитирует за воссоединение страны с Румынией и отождествляет молдавский народ и язык с румынским. Основными последователями такой интерпретации являются собственно румыны и религиозное меньшинство молдавский прихожан Румынской православной церкви. Евразийский (или пророссийский, а также нейтральный) выбор был маркером консоциативной модели национально-государственного строительства, основанной на создании политической нации, предполагающей баланс участия всех этнических и религиозных групп в политическом процессе. Он поддерживается этническими меньшин-

ствами Молдавии (гагаузами, болгарами) и частично молдавскими прихожанами Русской православной церкви.

В ходе посткрымского кризиса в глобальном идейном соперничестве одно из ключевых мест стал занимать дискурс о цивилизационных различиях России и Европы, который можно свести к формуле «Россия – это не Европа». Таким образом, мирополитический конфликт оказался реинтерпретирован через противоречие пространственных образов Запада/Европы и России/Евразии, благодаря чему он стал конструктивно геополитическим. Подобный пространственный первообраз актуализует восточную границу западной цивилизации, которая может представляться только ментальной, а не пространственной. Она пролегла между католиками Западной Европы и православными России, образовав промежуточную зону на территориях славянских и балтийских народов. В последнее время данный нарратив оказался обобщен с «Россия – это не Запад/Европа» до «Россия – это анти-Запад/анти-Европа», что привело к усилению конфликта вдоль всего ментального пограничья России и Запада. Данный спор породил схожие дискурсы о «европейскости» Молдовы, Беларуси, Грузии, Армении, как культур, альтернативных азиатской России.

Человек является носителем одновременно множества идентичностей. Он помнит, из какой деревни или района города он родом, гордится регионом своего жительства, своей родиной, ощущает свою причастность к крупным цивилизационным структурам. Однако все эти различные идентичности пассивны, пока их не актуализирует внешняя сила. Скажем, мы вспоминаем о нашей национальной идентичности по государственным праздникам, о региональной, когда нашей земле угрожает опасность, а о локальной, когда ностальгируем о родном доме.

Политика места и брендинг территории

Политикой места называется целенаправленное формирование устойчивого дискурса, транслирующего вовне про-

странственную идентичность данного локалитета. Люди пытаются сформировать во внешнем мире правильное (по их представлениям) представление о данной территории, для чего формируется стандартизированный дискурс о месте. Ключевыми носителями такого стандартизированного нарратива являются краеведы, сотрудники музеев, туристических информационных офисов, экскурсионных компаний, отелей и, конечно, таксисты. Все в силу своих профессий вынуждены часто общаться с иногородними, причем, интересующихся образом места. Для этого они у них, как правило, заготовлен концентрированный, упрощенный и яркий нарратив о месте. Сбор и обобщение подобного стандартизированного нарратива порой дает лучшее понимание пространственной идентичности жителей, чем глубинные социологические методы.

Политика места является основным инструментом решения прикладной задачи – брендинга территории. Под брендингом территории понимается целенаправленная стратегия по повышению конкурентноспособности места, привлечения в него инвесторов, туристов, новых жителей или квалифицированной рабочей силы. Бренд представляет собой совокупность уникальных атрибутов, отражающих пространственную идентичность территории и перспективу ее развития. Важно заметить, что успешный брендинг является не одноразовой акцией, а постоянной политикой властей территории, и основывается на существующих элементах пространственной идентичности, а не инкорпорирует чужеродные. Элементами брендинга территории выступают выбор названия и слоганов (нейминг), формирование устойчивых образов места (визуализация) и разработка стратегии внедрения, укоренения, расширения узнаваемости и естественного воспроизводства бренда (продвижение).

В результате современное мировое политическое пространство с самых верхних уровней до самых низких представляет собой систему множества искусственных зеркал, отражающих, но в то же время и ис-

кажающих, многогранную ткань взаимопересекающихся глобальных, национальных и локальных процессов.

Литература:

Замятин Д., Замятин Н., Митин И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. – М., 2008.

Замятин Д.Н. Постгеография. Капитал(изм) географических образов. – СПб.: Гуманитарная академия, 2014.

Малинова, О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. – М.: ИНИОН РАН, 2013.

Окунев И.Ю. Политико-географические аспекты государственности (анализ опыта микросоударств) // Политическая наука. – 2011. – № 4. – С. 162-174.

Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке (отв. ред. И.С. Семененко). – М.: РОССПЭН, 2012.

Тоал Дж. Геополитика постмодерна? Геополитические представления модерна и за их пределами // Политическая наука. – 2009. – № 1. – С. 188-223.

A Companion to Political Geography / Ed. by J. Agnew, K. Mitchell, G. Toal. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2008. 494 p.

O'Tuathail, G. Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Society // *Journal of Strategic Studies*, 1999, No, 2/3, pp. 107-124.

References:

A Companion to Political Geography / Ed. by J. Agnew, K. Mitchell, G. Toal. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2008. 494 p.

Malinova, O.Yu. Konstruirovanie smyslov: Issledovanie simvolicheskoi politiki v sovremennoi Rossii (Construing Meanings: Research of Symbolic Politics in Modern Russia). Moscow: INION RAN, 2013.

O'Tuathail, G. Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Society // *Journal of Strategic Studies*, 1999, No, 2/3, pp. 107-124.

Okunev, I.Yu. Politiko-geograficheskie aspekty gosudarstvennosti (analiz opyta mikrogosudarstv) (Political and Geographic Aspects of Statehood: Analysis of Microstates) // *Politicheskaya nauka*, 2011, No. 4, pp. 162-174.

Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti (Political Identity and Policy of Identity). Vol. 2. Identichnost' i sotsial'no-politicheskie izmeneniya v XXI veke (ed. I.S. Semenenko). Moscow: ROSSPEN, 2012.

Toal, Dzh. Geopolitika postmoderna? Geopoliticheskie predstavleniia moderna i za ikh predelami (Postmodern Geopolitics? Geopolitical Conceptions of Modernity and beyond) // *Politicheskaya nauka*, 2009, No. 1, pp. 188-223.

Zamyatin, D.; Zamyatina, N.; Mitin, I. Modelirovanie obrazov istoriko-kul'turnoj territorii: metodologicheskie i teoreticheskie podhody. (Modelling of Territorial Historic and Cultural Images: Methodology and Theory). Moscow, 2008.

Zamyatin, D.N. Postgeografija. Kapital(izm) geograficheskikh obrazov (Post-Geography. Capital(ism) of Geographic Images). Saint Petersburg: Gumanitarnaja akademija, 2014.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-18-25>

TERRITORIAL AND SPATIAL IDENTITY: NEW APPROACH TO THE BASIC CONCEPTS

Igor Yu. Okunev

MGIMO University, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 27 August 2017</p> <p><i>Accepted:</i> 16 December 2017</p>	<p>Abstract: Contrary to popular belief, the spatial aspect of political processes is determined not only by objective factors. Space affects politics not only directly, but also indirectly, through subjective and sometimes distorted notions of space, formed by man. To study this subjective world, geography has its own terminology, some of which are in dialectical connection with the concepts of «objective» geography (territoriality vs. spatiality, absolute vs. relative space), and some are unique for the discourse of this science (heterotopy, spatial inversion, spatial experience, the place of memory, spatial myth, and co-spatiality). The key to political geography is the notion of territorial and spatial identity, because they link ideas about space with the political behavior of the individual. Recently, the applied sphere of political geography has been actively developing, based on the application of identity knowledge - territory branding based on place policy.</p> <p><i>Acknowledgements:</i> The article is prepared with support of Russian Science Foundation, project No.17-78-10053</p>
<p>About the author: Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Comparative Politics, MGIMO University</p> <p>e-mail: iokunev@mgimo.ru</p> <p>Key words: territorial identity; spatial identity; relative space; social space; critical geopolitics</p>	

Для цитирования: Окунев И.Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 1. – С. 18-25.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-18-25

For citation: Okunev, Igor Yu. Territorial'naia i prostranstvennaia identichnost': kontseptualizatsiia bazovykh poniatii (Territorial and Spatial Identity: New Approach to the Basic Concepts) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 1, pp. 18-25.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-18-25